

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ХОРУЖИЙ

05.10.1941 — 22.09.2020 гг.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Ночью 22 сентября 2020 года ушел из жизни Сергей Сергеевич Хоружий.

Когда пытаешься сказать какие-то слова о нём, они тут же вянут и сохнут. Любые характеристики кажутся либо мелкими, либо казёнными. Да, конечно, мощный, глубокий ум, широчайшая эрудиция, знание многих языков... Философ, математик, писатель, переводчик, правозащитник, общественный деятель, подвижник...

Всё так. Но это все казённо, выпренне. Он был солдат науки. Стойкий, негибачаемый. Работал как вечный двигатель.

Мне подарила судьба не просто возможность встречаться с ним, общаться, переписываться. Нам удалось и подружиться, и поругаться, и снова помириться, и вместе поработать. Он несколько раз приезжал к нам на совместные антропологические семинары. Мы договорились, что сначала планируем и проводим семинар, затем публикуем тематическую подборку в журнале «Человек.RU». Затем подводим итоги, вновь обсуждаем, вновь проводим, вновь делаем новый номер журнала ... И так несколько лет. Получалась хорошая перекличка текста и действия, слова и события. И так несколько раз. Приезжал он не один. С ним приезжали и его соратник по синергийной антропологии, мой давний старший товарищ и брат Олег Игоревич Генисаретский, также Александр Григорьевич Погоняйло, замечательный философ и переводчик М. Фуко, Х. Борхеса, А. Кожёва, У. Эко.

Мы смогли поставить высокую планку интеллектуального разговора, Большой Беседы. Разнообразили жанры. Пленарные доклады, круглые столы, выставки книг, просмотр кинофильмов, их обсуждение и т.д.

Несколько лет мы фактически вместе издавали журнал. Нам удалось выстроить целую интеллектуальную сеть антропологического сообщества.

Когда думаешь о связи с ним, то ты ощущаешь реальность культурной эстафеты. Ты понимаешь, что через него через пару-тройку рукопожатий ты встречаешься, например, с Флоренским, через эстафету Хоружий – Лосев – Флоренский.

Бывая в его квартире в Москве на Белой Даче, ощущаешь себя в интеллектуальном духовном храме. На полках стоят не просто книги, много книг. Но у каждой из них – своя духовная биография. Например, томик стихов О. Мандельштама с автографами Надежды Яковлевны...

Он ведь, кстати, был в своё время ещё и книжным диссидентом. Издавал в самиздате литературу, запрещённую властью – авторов так называемой реакционной, махровой религиозной философии.

В научном споре был негибачем и непримирим. Я несколько раз получал от него подзатыльники и затрещины, учась строгости и дисциплине мысли. В простом общении предельно деликатен. В науке – бесстрашен и беспощажен. Не врал ни себе, ни другим, не приспособлялся. Ригорист. Предельно щепетилен и требователен к себе в вопросах интеллектуального труда, литературного наследия. Да, он был колюч и не удобен для тех, кто привык к имитации, к взаимной нетребовательности и необязательности. Но ведь мысль требует дисциплины ума и глубокого сердечного труда.

Работал по старинке. Сначала писал рукопись, на бумаге. Правил, переписывал. И только потом печатал. И всё делал сам.

Нам ещё предстоит разбираться с его великим наследием. Но надо сказать, что его интеллектуальная машина смогла и успела сделать и издать множество совершенно удивительных произведений.

Я уж не говорю о подвиге, который он совершил, подарив нам русского Д. Джойса, начиная это великое дело вместе с другом В. Хинкисом.

Он также начинал вместе с другом В. В. Бибихиным свой проект синергийной антропологии, ещё в 70-е годы. Его «Улисс в русском зеркале», «Очерки синергийной антропологии», «К феноменологии аскезы», «Фонарь Диогена» и другие – не просто фундаментальные работы. Они задают целые новые направления для научных исследований.

Удивительно, но он сочетал в себе какую-то классичность, даже патриархальность, и неклассичность, даже модность. С одной стороны, книголюб, знаток множества книг и имён, концепций и работ, хранитель и носитель богатейшей духовной традиции, автор трудов по истории православия, исихазма, русской книжности, православной монашеской аскезе, с другой стороны, ниспровергатель классического академического, натуралистического способа мышления, один из зачинателей неклассического антропологического, и шире, философского дискурса, разработчик авторской концепции синергийной антропологии.

Ах, эта роскошь умной беседы, неспешного Разговора с ним! Эти часы и дни общения, в котором мысли перетекают одна к другой. От одного имени к другому. П. А. Флоренский. А. Ф. Лосев, Л. П. Карсавин, М. Хайдеггер, О. Манделштам, М. Фуко, Ж. Делёз, и многие другие... Вот они, все толпятся, постоянно живые собеседники, со своими голосами и судьбами. Здесь, рядом...

Спасибо Вам, Сергей Сергеевич!

Низкий поклон.

Сергей Смирнов

О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ХОРУЖЕМ

Среди текстов Сергея Сергеевича есть один особенный, автобиографический, он называется: «Линия Страны» По старым поверьям, говорит Сергей Сергеевич, у нас на ладони есть Линия Жизни, а если это так, то почему бы на ней не быть также и Линии Страны? И добавляет: «У меня самого, по крайней мере, такая линия точно есть, и прочерчена она глубоко».

Линия Жизни Сергея Сергеевича Хоружего завершилась 22 сентября 2020 года, и вместе с ней его личная Линия Страны. «Большая» Страна этого не заметила, с ней по отношению к тем, кто составлял её честь и достоинство, такое не раз бывало... Тем хуже для неё.

Я познакомился с Сергеем Сергеевичем, когда он позвонил мне, чтобы пригласить на конференцию в Новосибирск в качестве переводчика недавно вышедшей «Герменевтики субъекта» Мишеля Фуко. Несколько дней непрерывного общения сделали своё дело: любопытное знакомство превратилось в более или менее регулярное общение с доброжелательным человеком, ра-

достно откликавшимся на малейшее и скромнейшее проявление понимания того, что он делает и о чём говорит. И это при том, что, положительно оценивая общение как таковое, Сергей Сергеевич не был человеком «душа нараспашку»; да, он был подчеркнуто вежлив, но одновременно очень требователен к интеллектуальному уровню собеседования, уровню, который, конечно, обеспечивается достаточным знакомством с обсуждаемой материей, но, в первую очередь, с осмысленным употреблением слов.

Это осмысленное употребление слов, являющее собой своего рода профессиональную честность – ныне редчайшее качество, некий дар, которым в устной и в письменной речи сполна обладал Сергей Сергеевич. Одновременно это то, чего катастрофически мало в нашей чванливой «постсовременности», а с уходом Сергея Сергеевича Хоружего этого дара станет ещё меньше.

Я не буду перечислять сделанное Хоружим для русской культуры, оценивать разнообразие и высочайший уровень его культурного подвига. Этим займутся исследователи его творчества.

В последних горьких строках «Линии Страны» Сергей Сергеевич пишет о своих редких попытках и невозможности выхода в пространство гражданского действия, о своём бесследном отсутствии в гражданской жизни Отечества, жизни, с которой он, сизмальства помнивший о трагической и благородной гибели матери и расстрелянном на морковном поле отце, совпасть никогда и ни в чём не мог. И вот этого человека, не совпадавшего с жизнью Отечества, с нами нет, и мы отчего-то всё больше и больше чувствуем себя в пустыне.

Александр Погоняйло